

Митрякова Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет

Mitryakova Elena S.

Assistant Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Tyumen State University, Candidate of Legal Sciences,

e-mail: e.s.mitryakova@utmn.ru

УДК [347.631](#)

**ПРАВО НЕ СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ МУЖЧИН НА УЧАСТИЕ В
ПРОГРАММЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА КАК
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА**

**THE RIGHT OF UNMARRIED MEN TO PARTICIPATE IN THE
SURROGACY PROGRAM AS THE IMPLEMENTATION OF THE
CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF EQUALITY**

Аннотация. Автором исследованы требования, предъявляемые к потенциальным родителям ребенка, рожденного с применением технологии суррогатного материнства. На основе анализа российского законодательства, судебной практики и законопроекта № 1191971-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сделан вывод о нарушении конституционного принципа равенства при отказе органами ЗАГСа в регистрации отцовства в отношении не состоящего в браке мужчины.

Ключевые слова: суррогатное материнство, потенциальные родители, вспомогательные репродуктивные технологии, не состоящий в браке мужчина.

Abstract. Requirements to prospective parents using surrogacy technology are explored by author. On the base of analysis of Russian legislation, jurisprudence and Bill № 1191971-7 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» author concludes that the constitutional principle of equality is violated when the registry Office refuses to register paternity in relation to an unmarried man.

Key words: surrogacy, prospective parents, *Assisted Reproductive Technology*, unmarried men.

Пункт 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) **только супругам** предоставляет право прибегать к услугам суррогатной матери [2].

Пункт 3 статьи 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее - Закон об охране здоровья) [3] расширяет перечень лиц, могущих воспользоваться услугами вынашивающей матери, устанавливая, что **мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина** имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее - ВРТ), к числу которых относится и суррогатное материнство.

Аналогичные категории лиц указаны и в Приказе Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [4].

Несмотря на то, что на законодательном уровне не состоящие в браке мужчины в качестве заказчиков не указаны, на практике они ими становятся в последние годы все чаще и чаще, не получая отказа от медицинских центров соответствующего профиля. Проблема возникает лишь в момент получения мужчиной отказа со стороны органов ЗАГСА в регистрации ребенка. Генетические отцы вынуждены обращаться в суд. С одной стороны, нормы права относительно ограничения круга лиц, могущих быть заказчиками, на самом деле нарушены. С другой стороны, ребенок уже рожден, и его необходимо зарегистрировать. Отказать мужчине в регистрации отцовства в отношении ребенка – значит, нарушить право ребенка на воспитание в семье. Кроме того, ч. 3 ст.19 Конституции РФ провозглашает, что **мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»** [1].

Судебная практика позволяет говорить о тенденции признания одиноких мужчин, ставших отцами при помощи суррогатной матери, единственными родителями ребенка.

Так, Бабушкинский районный суд г. Москва в августе 2010 г. вынес решение об обязанности районного ЗАГСа зарегистрировать ребенка, родившегося по программе гестационного суррогатного материнства с донорскими ооцитами для одинокого мужчины, записав последнего в качестве отца. Было получено первое в стране свидетельство о рождении ребенка у не состоящего в браке мужчины с прочерком в графе «мать». Спустя полгода Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга со ссылкой на ч. 3 ст. 19 Конституции выносит схожее решение [15, 16].

Вынося судебные акты в пользу истцов, суды отмечают, что действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин, в том числе это относится к праву одинокого мужчины на рождение детей, создание семьи, в которую будут входить только дети и их отец. Суды подчеркивают, что поскольку действующее законодательство не содержит запрета на регистрацию рождения ребенка, рожденного в результате имплантации эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одинокой матерью или отцом данного ребенка. Отсутствие правовых норм не может являться основанием для умаления и нарушения прав и законных интересов ребенка и его отца [17].

Однако следует отметить, что по данному вопросу судебная практика не является единообразной. Так, решением Тушинского районного суда г. Москвы, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, истцу было отказано в удовлетворении требования о признании его отцом двух детей, рожденных в результате имплементации принадлежащих ему эмбрионов суррогатной матери, в связи с тем, что такой порядок государственной регистрации не предусмотрен [13].

В настоящее время дискуссии ученых о законодательном ограничении участия одиноких мужчин в программах суррогатного материнства не утихают. Как отмечает Е.В. Стеблева, разрешение одиноким мужчинам выступать в роли заказчика вступит в противоречие с назначением

суррогатного материнства - преодоление бесплодия женщины, не способной по медицинским показаниям выносить и родить ребенка [8].

А.И. Балашова, А.А. Штанова, Л.Ю. Гарин, Е.Е. Тоненкова же наоборот предлагают законодательно закрепить право одинокого мужчины на участие в программе суррогатного материнства [5, с. 20].

Основные доводы сторонников данной позиции – необходимость повышения демографии, предупреждение миграции и незаконного суррогатного материнства, нарушение гендерных прав одиноких мужчин в части возможности иметь собственных детей.

А.И. Михайлова называет причины обращения одиноких мужчин к услугам суррогатных матерей. По мнению автора, к ним относятся бесплодие; гомосексуализм; психологическая травма пережитого неудачного опыта в личной жизни; особенности характера (замкнутость, необщительность), то есть неумение строить межличностные отношения и др. Автор дает социальный портрет «суррогатного» отца в России – это мужчина до 40 лет, не состоящий в браке, с одним и более высшими образованиями, имеющий свое дело, обеспеченный [14, с. 59].

В принципе, представленный социальный портрет не вызывает вопросов, кроме категории мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Конечно, печально, что такие «отцы-одиночки» заранее обрекают ребенка на то, что в графе «мать» у него будет стоять прочерк.

Но ведь и обращение к услугам суррогатной матери одиноких женщин, имеющих право выступать в роли заказчика, также приводит к прочерку в свидетельстве о рождении- только в графе «отец». В обоих случаях ребенок будет рожден в неполных семьях. Логика в том, чтобы разрешать прибегать к услугам суррогатной матери не состоящим в браке женщинам при одновременном запрете это делать одиноким мужчинам, не ясна. Очевидно, законодатель руководствовался определением и показаниями к применению суррогатного материнства. Нельзя забывать о том, что на законодательном

уровне (пункт 9 статьи 55 Закона об охране здоровья граждан) дано определение суррогатного материнства как вынашивания и рождения ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, **для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.**

Согласно п. 79 Приказа Минздрава №107Н показаниями к применению суррогатного материнства являются:

- а) отсутствие матки (врожденное или приобретенное);
- б) деформация полости или шейки матки при врожденных пороках развития или в результате заболеваний;
- в) патология эндометрия (синехии, облитерация полости матки, атрофия эндометрия);
- г) заболевания (состояния), включенные в Перечень противопоказаний;
- д) неудачные повторные попытки ЭКО (3 и более) при неоднократном получении эмбрионов хорошего качества, перенос которых не приводит к наступлению беременности;
- е) привычное невынашивание беременности (3 и более самопроизвольных выкидыша в анамнезе).

Из анализа вышеуказанного Приказа Минздрава №107Н очевидно, что суррогатное материнство – это способ преодоления **женского** бесплодия.

И все же, учитывая судебную практику по данной категории споров, все возрастающий интерес не состоящих в браке мужчин к суррогатному материнству и руководствуясь конституционным принципом равенства мужчины и женщины, законодателю стоит расширить перечень лиц, имеющих право становиться заказчиками по договору о суррогатном материнстве.

Успешный состоятельный мужчина, осознанно желающий стать отцом, пусть и не состоящий в браке, способен обеспечить ребенку счастливую и

достойную жизнь в семье, пусть и без матери. В нашей стране, к сожалению, есть немалое количество полных семей, где есть и отец, и мать, но для которых родительский статус является номинальным. Некоторые рожают детей исключительно для того, чтобы получить материнский капитал. Дети не получают от таких родителей, зачастую злоупотребляющих алкогольными напитками, в плане воспитания совершенно ничего. В итоге каких-то родителей лишают родительских прав, дети попадают в детские дома. Случаются и истории с более трагичным исходом в отношении детей.

В то время как многие авторы считают обоснованным закрепить в действующем законодательстве норму о том, что не состоящий в браке мужчина имеет право наравне с одинокой женщиной выступать заказчиком в договоре о суррогатном материнстве, 11 июня 2021 года в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 1191971-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Авторы Проекта еще более сузили перечень лиц, имеющих право становиться заказчиками в рассматриваемом договоре, исключив из него мужчину и женщину, не состоящих в браке. Данное предложение видится сомнительным, поскольку, как верно отмечают Богданова Е.Е. и Белова Д.А., означает «дискриминацию по признаку семейного положения, не обеспечивая при этом интересы детей» [7, с. 73].

Привязывать возможность иметь детей к супружескому статусу видится не соответствующим современным реалиям и нарушающим право на частную жизнь, принадлежащее конкретной личности. Можно предположить, что лишение фактических супругов и одиноких мужчин права выступать заказчиками по договору о вынашивающем материнстве приведет к заключению ими фиктивных браков с тем, чтобы не лишать себя возможности стать родителями. Кроме того, вышеуказанный запрет ставит под сомнение провозглашенный в Конституции РФ принцип гендерного равенства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант +» (дата обращения 09.10.2021).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
4. Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803Н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // СПС «Консультант +» (дата обращения 12.10.2021).
5. Балашова А.И. Некоторые аспекты правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // Символ науки. 2016. № 2-3 (14). С. 117-120.
6. Законопроект № 1191971-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1191971-7> (дата обращения 09.10.2021).
7. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 73.
8. Стеблева Е.В. Проблема реализация прав участников отношений суррогатного материнства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. - 18 с.
9. Шабанова А.С. Установление происхождения детей, рожденных с применением вспомогательных репродуктивных технологий // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 3. С. 37-42.
10. Решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 4 августа 2010 г. по гражданскому делу № 2-2745/10 // Архив суда.
11. Решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 марта 2011 г. по гражданскому делу № 2-1601/11 // Архив суда.
12. Решение Дзержинского районного суда (г. Санкт-Петербург) от 8 апреля 2020 г. № 2-980/2020 2-980/2020~М-740/2020 М-740/2020 по делу N 2-980/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8LeGc3YT3IZV/> (дата обращения: 12.10.2021).
13. Решение Тушинского районного суда г. Москвы № 2-1472/2014 2-1472/2014~М-3/2014 М-3/2014 от 19 марта 2014 г. по делу № 2-1472/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: официальный сайт. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/YYYYn641AVGUP/> (дата обращения: 12.10.2021).
14. Михайлова А.И. Суррогатное материнство как способ создания монородительской (отцовской) семьи // Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 1 (11). С. 58-60.